

НЕПОКОРЕННЫЙ

Рассказ об одном из советских воинов, пропавших без вести в Афганистане

К проблеме наших воинов, пропавших без вести при выполнении интернационального долга в Афганистане, привлечено внимание широкой общественности. Об этом, в частности, свидетельствуют письма, поступающие в редакцию «Красной звезды», других газет. «Мы будем делать все для того, – сказал на пресс-конференции, посвященной окончанию недавней советско-американской встречи в верхах, М. С. Горбачев, – чтобы наши люди вернулись на Родину».

Приближаемся к Салангу. Дорога все круче забирается вверх, вьется спиралью среди угрюмых, выжженных солнцем скал.

Вот и место, которое особо помечено на моей карте. Здесь дорога делает крутой поворот. Внизу – деревья заброшенного сада. За ними видна окраина кишлака Хинджан. Да, это случилось именно здесь. Случилось давно, еще в декабре 1983 года.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ:

«Расследованием установлено:

1. 6.12.83 г. в 6.30 группа в составе старшего – прапорщика Белова Владимира Григорьевича и членов экипажа: водителя рядового Габбасова Асхата Габдулсабировича, старшего стрелка рядового Каширова Владимира Николаевича на БТР-70 (бортовой номер 347) была направлена на сторожевой пост с задачей доставить туда двигатель и коробку передач, нужные для ремонта БТР-70 (бортовой номер 335).

По пути следования, вблизи н. п. Хинджан, БТР подрывался на управляемом фугасе (вес ВВ примерно 50-60 кг). Он был сброшен с проезжей части и перевернулся...»

Стараюсь увидеть за строчками документа картину события. Экипаж выехал ранним утром, когда дорога была еще пустынной. Спешили: до обеда предстояло вернуться в часть. Прапорщику Белову приходилось не раз решать такие задачи. Рядовой Габбасов был умелым водителем. Хватало опыта и пулеметчику Каширову. Служба у него подходила к концу: не сегодня-завтра отправляться на Родину.

До кишлака Хинджан оставалось километра два. Стояла тишина. Но экипаж, разумеется, не терял бдительности. Кому неизвестно, что за подбитую машину душманы получают по миллиону афгани! И все же...

Наблюдатель одного из постов на Саланге увидел вспышку взрыва и столб дыма в районе кишлака и тут же доложил об этом по команде. К месту взрыва

вышла бронегруппа под командованием прапорщика В. Пенькова. А еще через несколько минут туда же прибыл командир роты капитан Ю. Чекрыгин с саперами.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ:

«Бронегруппа во главе с прапорщиком Пеньковым В. Н. обнаружила перевернутый и горящий БТР, внутри которого рвались боеприпасы... После прекращения взрывов приступили к тушению машины. Из БТР были извлечены тела двух погибших членов экипажа. Поиски третьего продолжались до поздних сумерек».

Неожиданно, уже в темноте, капитан Чекрыгин недалеко от бронетранспортера наткнулся на сапог. В обгорелом голенище белела кость... Офицер распорядился прекратить поиски. Все, кто был в то время на месте трагедии, сошлись во мнении: тело третьего члена экипажа раздроблено взрывами.

В тот вьюжный декабрь 1983 года в уральском городке Краснотурьинске в доме Кашировых жили ожиданием. Ждали младшего из далекого и тревожного Афганистана.

Старший – Вячеслав, переступая после работы порог дома, по глазам матери догадывался: вестей нет. Анна Георгиевна все больше уходила в себя. Долгими вечерами могла часами смотреть на единственную карточку Володи, где он в военной форме. Все думы были о нем.

Жили они всегда дружно. Старший помогал младшему, и оба – матери. Когда в 1975 году погиб на заводе в результате несчастья отец, все хлопоты по дому взяли на себя сыновья. Берегли мать. Окончив восемь классов, друг за другом пошли работать. Владимир, получив специальность электротехника в профтехучилище, стал трудиться на заводе.

Два долгих года с Анной Георгиевной голосом сына говорили его теплые и добрые письма. Даже самые короткие, они всегда успокаивали. Служил Владимир сначала в учебном подразделении недалеко от нашей южной границы. В то время Анне Георгиевне улыбнулась судьба. Коллектив ателье «Радуга», где она трудится бригадиром швейного производства, выделил ей за успехи в соревновании туристическую путевку. Ехать предстояло в Чехословакию. Анна Георгиевна начала было оформлять документы. Но затем передумала: решила повидаться с сыном. Рядом с ним, в соседнем городке, и провела отпуск.

А затем стала получать сыновьи письма уже со штемпелем полевой почты – из Афганистана. Володя писал часто. Все двести три письма Анна Георгиевна хранит и знает каждое почти наизусть. При встрече мы вместе перечитывали строчки, полные нежности и признательности.

«Здравствуйте, дорогие мои мамочка и Славик! У меня все хорошо. Я уже уезжал, собственно, домой, но... Ничего, совсем скоро будем снова вместе... Да, многие из друзей уже вернулись домой. Не скрою, чуточку завидую им. Но ничего, и я исполню свой долг.

Мама, береги себя. Не переживай, родная, вот увидишь – все будет

**хорошо... Интернациональный привет всем. Крепко вас целую. Владимир.
25.11.83 г.»**

Это письмо, последнее из двухсот трех, Анна Георгиевна перечитывает чаще других. Сын написал его за двадцать четыре дня до своего двадцатилетия.

Никогда не забыть ей того страшного часа, когда к ателье подъехал военкоматовский уазик и за ним – машина «скорой помощи». Анна Георгиевна увидела в окно краснотурьинского военкома и рядом с ним незнакомого прапорщика с темным от нездешнего загара лицом. Не помня себя, бросилась им навстречу.

– Мужайся, мать...

Летом 1984 года в консульское отделение посольства СССР во Франции вошел средних лет посетитель. Он не пожелал назвать себя по имени. Сказал лишь, что журналист и выполняет поручение соотечественника – врача, находящегося в афганском Панджшере. Поручение заключалось в передаче пакета.

В пакете оказалось несколько цветных снимков. На них человек с исхудалым, заросшим щетиной лицом. На правом глазу у него – тампон, приклеенный пластырем. За спиной виден самодельный деревянный костыль. В конверте была еще и записка на русском языке. Писали шариковой ручкой, крупными прыгающими буквами.

«...видишь, мама, вместо дома я оказался в Панджшере, – заканчивалась записка. – Просто я не везучий человек. Сегодня уже 22 декабря. Милая моя мама, буду заканчивать. Целую. Владимир.»

На обороте был адрес:

«624460, Свердловская область, г. Краснотурьинск, ул. Колхозная, дом 16-24. Каширов Владимир Николаевич.» А ниже приписка: «Мама – Анна Георгиевна».

В консульстве поняли: речь идет о нашем солдате, захваченном мятежниками. Пакет срочно отправили в МИД СССР, а оттуда в Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР.

В штабе ограниченного контингента советских войск в Афганистане я познакомился с материалами расследования, проведенного по поручению Генштаба. Они показывают: при первом осмотре места происшествия был сделан ошибочный вывод о гибели третьего члена экипажа – старшего стрелка рядового Каширова. Хотя сапог с оторванной ступней у края воронки был действительно его.

Прямо в ателье, где работает Анна Георгиевна Каширова, в торжественной обстановке военком вручил матери солдата орден Красной Звезды, которым Владимир был награжден посмертно. А спустя какое-то время, в августе 1984 года, в дом Анны Георгиевны наведались еще раз.

– Что-нибудь от Володи? – спросила мать одними губами.

– Да, Анна Георгиевна. Сын ваш жив!

Кое-какие сведения о рядовом Каширове были добыты нашими

разведчиками и в Афганистане. Сначала это была легенда о раненом «шурави», родившаяся в Панджшере. Она многими деталями совпадала с тем, что было в действительности. Потерявшего ногу солдата душманы, подорвавшие бронетранспортер, приняли за офицера, унесли его, не приходящего в сознание, на базу. А здесь, убедившись в ошибке, забросали камнями. Но врач-иностранец, находившийся в базовом районе под Астаном, обнаружил, что юноша под камнями все еще жив, и решил его выводить.

Совпадали с приметами рядового Каширова и внешние черты пленника: высок, черноволос.

Были приняты все меры, чтобы установить местонахождение солдата, но напасть на его след не удавалось. И вдруг – донесение разведчиков одной из частей:

«18 июля 1984 года в ходе боевой операции в ущелье Панджшер в числе захваченных документов... обнаружена анонимная записка следующего содержания: «Я русский солдат, взятый в плен. БТР подорвался на mine, два человека погибли, я был ранен и взят. Я пишу все это, может быть, кто-то и найдет записку. Сейчас южное ущелье». Последняя фраза, видимо не дописана.

По почерку установили: автор записки – рядовой Каширов. Написана она сравнительно давно. Установить что-либо еще не удавалось. Рассказы местных жителей, бывших мятежников, перешедших на сторону народной власти, картины не проясняли. Никто не видел пленника в лицо, не знал его имени. Зато не было недостатка в свидетельствах о жестоком обращении мятежников с теми, кого им удалось захватить.

«Меня держали в подземелье, куда не проникал свет, – рассказывал один из наших солдат, которого в сентябре 1984 года удалось вырвать из застенка мятежников в ходе боевой операции. – Форму, обувь отобрали, вместо них выдали длиннополую рубаху и шаровары. Ходил босиком. Кормили отходами. По странному ощущению после еды понял: добавляют наркотики. В тюрьму навевались корреспонденты из США, Франции и Англии. Приносили антисоветскую литературу, убеждали, что освобождение возможно, если соглашусь поехать на Запад. Жизнь там, мол, будет беззаботной...»

Именно от этого солдата исходят последние вести о судьбе Каширова. Правда, встречаться с ним ему не доводилось. Просто слышал от охранника, что один из пленных «шурави» предпринял побег из-под стражи, несмотря на то, что потерял ногу и глаз. Случилось это когда недалеко от пещеры, превращенной в тюрьму, высадились советские десантники, завязали бой. Но, утверждал охранник, бежать Кариму не удалось.

Каримом – это тоже установлено – душманы нарекли Каширова. Они всем пленным дают мусульманские имена.

Два года посвятил я выяснению драматической судьбы рядового Владимира Каширова, одного из наших воинов, пропавших без вести в Афганистане. Поначалу

казалось, что вместо «пропал без вести» можно сказать определенно, однозначно: «попал в плен». В этом убедило письмо, оказавшееся в Париже, записка, найденная у логова мятежников. Но время снова все поставило под сомнение. Жив ли Владимир сегодня? Сколько правды было в рассказе охранника о нем. Нет ответа. Снова приходится говорить о пропавшем без вести.

Но теперь я твердо знаю: кавалер ордена Красной Звезды рядовой Каширов Владимир Николаевич долгом солдата не поступился. Его, истекающего кровью, потерявшего сознание, удалось захватить врагу. Но сломленным, покоренным его не видел никто.

Верю и в то, что со временем мы узнаем подробности восстания наших воинов, оказавшихся в застенках лагеря, мятежников Бадабер, в апреле 1985 года. Верю, что многие из тех, судьба которых остается неизвестной, живы и вернутся на Родину. Она ждет их как мать.

**Подполковник
А. ОЛЕЙНИК,
корр. «Красной звезды».**

Перепечатано из газеты «Красная Звезда» от 11 июня 1988 года.

Олейник, А. Непокоренный : [воин-интернационалист Владимир Николаевич Каширов, г. Краснотурьинск] / А. Олейник // Заря Урала. – 1988. – 18 июня (№ 73). – С. 2.